

Лан Цзэ всё ещё всматривался вдаль, когда боковым зрением уловил стремительное движение — Ци Бай, словно маленький пушечный снаряд, нёсся прямо к нему.

Юноша, преисполненный ликования, подскочил к волку и, приподнявшись на цыпочки, крепко обхватил руками его огромную голову.

— Лан Цзэ! Я так и знал, что ты вернёшься вовремя! Ты сделал это, ты просто невероятен!

В своём человеческом облике Ци Бай достигал ста восьмидесяти сантиметров и считался довольно высоким среди азверолов, но он всё равно был на голову ниже Лан Цзэ-человека, не говоря уже о его звериной ипостаси, возвышавшейся более чем на два метра.

Воин замер, так и не опустив занесённую для шага лапу, словно боясь ненароком оттолкнуть прижавшегося к нему юношу.

Серый волк и представить не мог, что Ци Бай, прокричав слова восторга, закрывает глаза и буквально зарывается лицом в его густую шерсть. Тот не просто прижимался — он самозабвенно тёрся щекой о мягкий мех и, казалось, даже несколько раз глубоко и жадно вдохнул его запах.

Ци Бай пребывал в настоящем блаженстве, утопая в этой пушистой роскоши. В его прошлой жизни, в стерильной больничной палате, не разрешалось держать даже цветы, не то что домашних питомцев. Всякий раз, видя в сети ролики, где люди «тискали» котиков или собак, он сгорал от зависти.

Конечно, привыкнув к собственному звериному телу, он и сам частенько играл со своим хвостом, но обнимать себя — совсем не то удовольствие. А ведь облик Лан Цзэ — величественный, мощный и грозный — давно не давал ему покоя. Наконец-то подвернулся случай, и снежный барс решил насладиться моментом сполна. Однако не успел он окончательно «надышаться» мягким мехом, как голова хищника начала осторожно высвобождаться. Юноше пришлось нехотя разжать объятия.

К этому времени соплеменники уже обступили их плотным кольцом. Все взоры были прикованы к исполинскому волку и туше дикого быка. Ци Бай слышал восторженные возгласы маленьких звероловов и видел, как взрослые воины украдкой бросают на Лан Цзэ взгляды, полные невольного восхищения. В этот миг никто не вспоминал о его рабском клейме — на площади царил лишь искреннее благоговение перед истинной силой.

Окружённый толпой, Лан Цзэ принял человеческий облик и, излучая холодную уверенность, прошёл в центр площади.

Ян Ло изо всех сил старался сохранить невозмутимость, глядя на стоящего перед ним юношу.

Весь день жрец размышлял о том, как поступить с результатами состязания, но он и в страшном сне не мог вообразить, что Лан Цзэ — совсем ещё молодой и с виду не самый крепкий воин — обладает такой сокрушительной мощью.

Теперь в душе Ян Ло поселилось горькое раскаяние. Он жалел, что позволил рабам остаться, считая, что должен был вести за собой лишь свободных зверолов. Но сожалениями ничего нельзя было изменить: племя Чёрной Горы уже стало единым целым, и теперь разделить его было невозможно.

В этот момент жрец с пугающей ясностью осознал, что события ускользают из-под его контроля. Перед его внутренним взором уже рисовалась картина будущего, где Лан Цзэ обретает полную силу и попирает его власть.

В отличие от встревоженного Ян Ло, вождь Хоу Янь, хоть и был поражён успехом Лан Цзэ, чувствовал скорее облегчение. За те дни, что они охотились вместе, он не раз замечал в юноше нечто особенное — воину просто не хватало времени и опыта, чтобы раскрыться.

Хоу Янь невольно вздохнул.

«Не будь этот парень рабом, он стал бы величайшим воином племени, — вождь поймал себя на мысли, что сам никогда не достаивался подобного почтения»

Старик Ян Ло бессознательно придвинулся ближе к Хоу Яню, но добродушный вид вождя не принёс ему успокоения. Как бы жрец ни противился очевидному, выбора у него не осталось. Взгляд Лан Цзэ, тяжёлый и пронзительный, был прикован к нему, словно требуя исполнения обещания. Жрецу ничего не оставалось, кроме как официально объявить итоги.

Результаты среди рогатых звероловов были бесспорны. Лан Цзэ стал абсолютным победителем, второе место занял Хуань Пин, а третье и четвёртое досталось двум молодым рабам. Ху Мэн, как и ожидалось, замкнул пятёрку лидеров.

Что касается Чжу Я, который с таким жаром ввязался в спор, то его добыча в виде единственной лесной крысы закономерно отправила его в самый конец списка. Удивительно, но даже Ху Мэн не нашёл в себе сил посмеяться над ним — он лишь восторженно следовал по пятам за Лан Цзэ.

Произошёл и небольшой казус: братья Ма Шу и Ма Лин тоже добыли горного козла, но так как на двоих у них была лишь одна туша, их поставили в очереди после Ху Мэна.

Ци Бай внимательно наблюдал за лицами соплеменников. Он заметил, что свободных звероловов, кажется, не слишком беспокоило присутствие невольников среди победителей — их куда больше занимала сама демонстрация силы. А вот сами рабы замерли как вкопанные, не веря своему счастью. Особенно это касалось братьев Ма Шу — те, кто никогда в жизни не владел ничем своим, слушали слова жреца с дрожащими от волнения губами.

Закончив с воинами, Ян Ло перешёл к азвероловлю, уже не питая особых надежд на их результаты. Однако старшие собирательницы преподнесли ему приятный сюрприз.

Опытные Дяо Лань и Лу Го предсказуемо заняли первое и второе места. Хоть они и собирали сладкий картофель, вернулись они раньше всех, принеся самые полные корзины. Следом за ними выстроились остальные свободные соплеменники: Ню Си стала третьей, Ху Сюэ — четвёртой, Шэ Ли — пятой, а Ту Я — шестой.

Это несколько удивило Ян Ло. Ведь выбирая командиров отрядов, он руководствовался вовсе не их опытом, а лишь тем, что они были свободными звероловами. Оказалось, что за дни упорного труда они действительно научились многому и теперь могли по праву вести за собой других.

Ци Бай, как он и предполагал, оказался на одиннадцатом месте, а Шу Линь отстал от него, заняв тринадцатое. Впрочем, юноша ничуть не расстроился. Гора была огромной, и при наличии желания в ней можно было высечь хоть трёхкомнатные хоромы — здесь не нужно было беспокоиться ни о квадратных метрах, ни о ценах на жилье. Низкое место в списке его совершенно не пугало.

В этот момент жрец наконец нашёл повод для радости: он заметил, что сегодня, пока молодёжь состязалась, старики не сидели без дела. Общей добычи оказалось гораздо больше, чем обычно, да и собиратели принесли внушительные запасы.

Особенно его впечатлил бык, добытый Лан Цзэ — по размерам он не уступал тому огромному вепрю, что кормил их долгое время. Ян Ло немного успокоило и то, что победитель, несмотря на свой угрожающий вид, не стал чинить препятствий, когда старик подошёл забрать тушу. Юноша лишь молча отступил в сторону, позволяя распоряжаться добычей так же, как это делали все остальные соплеменники.

Какие бы замыслы ни таил в себе Лан Цзэ, Ян Ло был доволен сегодняшним уловом. С такими запасами зима больше не казалась столь пугающей, и жрец уже предвкушал, как наведёт во всём этом порядок.

Снег срывался всё гуще. Старики притащили разделанное за день мясо и принялись жарить его на больших кострах. После сытного и весёлого ужина в пещеру перенесли сладкий картофель и прочие припасы, боясь, что те отсыреют.

Что касается сегодняшней добычи, то живых зверей привязали у входа под строгим надзором, а убитых решили не разделывать сразу — их просто сложили снаружи, прикрыв сухой травой. Сильный мороз должен был превратить мясо в лёд, сохранив его до нужного часа.

Костры снаружи уже начало заносить снегом, поэтому люди общими усилиями расчистили место в центре пещеры и развели огонь там. Глядя на то, какой тесной стала их общая обитель, Ци Бай всем сердцем желал поскорее взяться за инструменты и начать высекать свой собственный дом.

Юноша заметил, что Лан Цзэ сегодня весь вечер словно нарочно избегает его взгляда. Не понимая, в чём причина, Ци Бай принялся готовить инструменты на завтра, когда краем глаза увидел, как Шу Линь подошёл к жрецу. Они обменялись парой фраз, после чего Шу Линь с довольным видом глянул в сторону друга и, немного смущаясь, направился к ним.

Ци Бай уже приготовился к разговору, но товарищ даже не посмотрел на него. Он напрямик направился в самый дальний угол — туда, где сидел Сюн Фэн.

Огромный медведь пребывал в глубоком унынии. Причина была проста: его результат в состязании оказался плачевнее, чем у Чжу Я. Сюн Фэн даже не получил места в списке, так как вернулся в племя с пустыми руками.

И дело было не в том, что он не нашёл зверя. Едва отойдя от лагеря, медведь выследил косулю. Но Ци Бай, не зная, как смена ипостасей влияет на срастающиеся кости, строго-настрого запретил ему принимать звериный облик. Охотнику пришлось лишь бессильно наблюдать, как добыча не спеша уходит прочь. Косуля, отбежав на безопасное расстояние, даже обернулась и, вильнув хвостом, словно насмеялась над ним — почему же он не преследует её?

После этого Сюн Фэн один за другим раскопал четыре или пять заячьих нор, но те, словно в издёвку, оказались пустыми. В итоге он стал единственным рогатым зверолодом, вернувшимся ни с чем.

Ци Бай считал, что для Сюн Фэна остаться в общей пещере — не самая плохая затея. Работа камнетёса требует огромной силы в руках, а при переломах нужен покой. Тот мог бы спокойно провести зиму в тепле, залечить руку и переехать уже в следующем году.

Однако сам Сюн Фэн думал иначе. Он молча сидел в углу, коря себя за неосторожность.

«Если бы я был внимательнее на охоте, то не получил бы рану. Не было бы раны — добыл бы зверя и завтра получил бы своё место в скале»

Почувствовав, что кто-то подошёл, медведь поднял голову и увидел раскрасневшегося Шу Линя. Сюн Фэн внезапно занервничал и, вскочив с места, неловко уставился на азверолода.

Шу Линь откашлялся и, стараясь придать голосу уверенности, произнёс:

— Я уже поговорил с жрецом и вождём. Этой зимой ты принадлежишь мне. С завтрашнего дня ты будешь жить со мной. Своей пещеры у тебя не будет, но Ян Ло станет давать тебе столько же еды, сколько и остальным рабам.

Сюн Фэн осознавал услышанное несколько мгновений, после чего его лицо залила густая краска:

— Господин... Господин Шу Линь, я...

Шу Линь перестал прятать взгляд и, надув свои круглые щёки, спросил:

— Что, ты не согласен?

Медведь замахал руками, напрочь забыв о шине:

— Нет, что вы! Я согласен! Конечно, согласен!

Услышав это, Шу Линь растерял всю свою напускную решимость и, заикаясь, пробормотал:

— Ладно. Тогда... завтра утром жди меня. Пойдём вместе выбирать место для пещеры.

Сказав это, он стремительно скрылся.

Ци Бай во все глаза смотрел на друга, его рот невольно округлился в беззвучном «о-о-о». Шу Линь, проходя мимо, заметил эту мину и, закусив губу от смущения, наклонился и легонько ущипнул юношу за щеку.

Ци Бай тут же расплылся в улыбке, издавая игривые смешки. Он и представить не мог, что этот вечно беззаботный парень первым в племени решит обзавестись парой.

Юноша только сейчас вспомнил: долгой зимой, когда охота и собирательство замирают, многие зверолоуды предпочитают объединяться в пары. Здесь не было долгих ухаживаний и романтики — всё диктовал инстинкт продолжения рода. Каждый мечтал о детёнышах, ведь дети были единственной надеждой племени. Азверолоуды вынашивали плод три-четыре месяца, так что малыши рождались как раз к весне, когда еды становилось вдоволь.

Поддразнивания друга вогнали Шу Линя в ещё большую краску. Он покосился на Лан Цзэ, сидевшего неподалёку, и вдруг, хитро прищурившись, прошептал на ухо Ци Баю:

— А знаешь, о чём я ещё спрашивал жреца?

Юноша насторожился:

— О чём?

Шу Линь понизил голос до едва различимого шёпота:

— Ян Ло сказал, что если ребёнок рождён свободным зверолюдом, он станет полноправным членом племени Чёрной Горы, даже если его отец — раб.

Сказав это, он многозначительно замигал в сторону Лан Цзэ, а затем деланно вздохнул:

— Ох, но ты ведь ещё такой маленький! Тебе до детей ещё несколько лет расти и расти.

Ци Бай мгновенно зажал ему рот ладонью:

— Нет, неправда! Я не это... Ты что такое несёшь?!

Сердце юноши забилося как сумасшедшее. Что за чепуху городит Шу Линь?! А вдруг Лан Цзэ услышит? Он ведь совсем не это имел в виду!

Увидев, в какое замешательство он привёл друга, Шу Линь мгновенно избавился от своего смущения и с лёгким сердцем упорхнул вглубь пещеры.

Не успел он уйти, как к Ци Баю подошёл Сюн Фэн со своей подвязанной рукой. Обычно юноша раз в пару дней проверял его повязки и кости, и как раз сегодня наступил срок осмотра. Но в отличие от прежнего спокойствия, медведь был охвачен нетерпением:

— Господин Ци Бай, я чувствую, что рука больше не болит. Могу ли я теперь принять звериный облик?

Судя по его виду, он готов был высечь хоть три пещеры разом, лишь бы не чувствовать себя обузой. Бурые медведи были одними из немногих, чья звериная форма позволяла использовать простейшие орудия. Сюн Фэн был уверен, что в облике зверя он сможет высечь для Шу Линя самую большую и красивую пещеру.

Ци Бай уже не раз поражался тому, как быстро заживают раны на зверолюдах. Не прошло и двух недель, как сломанная кость почти срослась. Юноша попросил его сжать кулак и подвигать пальцами — всё выглядело вполне здоровым.

Ци Бай на мгновение задумался, но всё же покачал головой. Даже если кость срослась, она ещё была слишком хрупкой для тяжёлой работы — высекать камень в таком состоянии было безумием.

Опасаясь, что Сюн Фэн в порыве внезапно вспыхнувших чувств наделает глупостей, Ци Бай покосился на Ян Ло и, понизив голос, принялся вдохновенно врать:

— Мы сейчас находимся в обители Бога Зверей. Лишь по Его милости твоя рука заживает так быстро. Если ты самовольно решишь принять облик зверя и рука снова сломается, Бог Зверей

разгневаётся. И тогда уже никто не сможет тебя исцелить.

Слова юноши возымели действие. Сюн Фэн испуганно прижал руку к груди, бережно поддерживая лубок. Он вспомнил, как днём в азарте едва не сорвал повязки, чтобы броситься в погоню за дичью, и его пробрал холодный пот. Слава Богу, что он этого не сделал!

Раз уж ему предстояло провести зиму с Шу Линем, он хотел как можно скорее стать полезным.

— Господин Ци Бай, скажите, как скоро моя рука окрепнет окончательно?

Ци Бай и сам не знал точных сроков, поэтому ответил туманно:

— Нужно подождать ещё хотя бы пять десятидневок. Когда придёт время, я тебе скажу.

Проводив задумчивого Сюн Фэна, Ци Бай украдкой взглянул на Лан Цзэ. Убедившись, что тот, кажется, не слышал слов Шу Линя, он со спокойной душой принял облик снежного барса и юркнул в своё тёплое гнёздо.

С тех пор как Лан Цзэ стал спасть с краю, холодный ветер из глубины пещеры больше не беспокоил юношу — под боком у волка всегда было тепло и уютно. Жаль только, что звериные формы рогатых звероловов были слишком велики для общей пещеры. Человеческое тело, лишённое густого меха, всё же плохо держало тепло.

Первый настоящий снег возвестил о том, что суетливая пора заготовок подошла к концу. Теперь никому не нужно было уходить далеко в лес. Обычно после этого звероловы впадали в своего рода спячку, проводя зиму в своих звериных шкурах, укрывшись в пещерах. Но в этом году всё было иначе: каждый горел желанием поскорее начать работу над собственным жилищем.

Под мерный шелест падающего за стенами снега Ци Бай думал о том, что скоро им с Лан Цзэ придётся разъехаться, и в то же время рисовал в воображении свой будущий дом. С этими светлыми мыслями он и погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/15816/1433138>